

ИСКУССТВО

Мем. 243 - 1443 - 11062 (132) - 8

Виктор РОЗОВ:

Театр эпохи ВЫЖИВАНИЯ

Разговор об итогах минувшего театрального сезона и видах на будущее продолжает драматург Виктор РОЗОВ.

— Виктор Сергеевич, обращаюсь к вам как зритель рядовой и зрительно профессиональному, даже уникальному. За свои 70 «зрительских лет» (остальные отсчитываю как нетеатральных) разных спектаклей вы видели-пережили... Так вот, накануне 80-летия, поздравляя вас с юбилеем, хочу спросить: какие спектакли стоит смотреть, а какие пропустить. Отцу, внуку, и, главное, учитываю, помимо всего прочего, и то обстоятельство, что посещение театра нынче ведь и для кармана обременительно.

— Ураган жизни бушует, театр держится! Как при всяком стихийном бедствии, и здесь, увы, неизбежны жертвы, потери. Несет их театр. Но — держится, хотя и всяк на свой манер. Кто успелся за спонсором-мещанином, кто за постановкой пьес, щекоучих знаменитых инстинктов, кто за чистую экзентрику, кто за доходящие гастролы... Что поделяешь? Вопрос биологической выживаемости стоит перед всеми.

Но наиважнейший сегодня — вопрос выживаемости духовной. Не видел всех премьер сезона, но те десятки полторы, которые удалось посмотреть, вселяют надежду — выживаем... Прежде всего это «Наполеон Первый» в Театре Маяковского — один из лучших спектаклей по актерской игре и глубине трагедии восточной любви. А исполнительский триумфатор — Яковлева, Нин. Волкова и Филиппова великолепно. Это и «Без вины виноватые» в Театре Вахтангова...

Мне доставляет почти физическое страдание, когда уродуют классику. Когда режиссер тщится подмянуть собой Чехова, Островского, Гоголя — чувствуется, что тебя просто обманули: зовут на Островского, а преподнесли Лопкина-Борисовского-Чехова, а подсказывает бог знает что. Не мешающую тоску, истерию, навевающую попытку реанимировать старые классические постановки, с всем по Маяковского получается: сидят и ноют на диване равные тети Соии и дяди Вани. Да простят мне поклонники из публики и рецензенты, но и у Петра Штайна на его «Виншем саде» я испытал нечто подобное — два длиннейших акта зеленой скуки. А чего стоит зритель из новомодных — фестиваль «Трех сестер». Это уж не три, а тридцать три сестры, добро, если еще не близняшки...

Откровенно говоря, когда шел на

«Без вины виноватые» к вахтанговцам, боялся увидеть нечто претенциозное. И ошибся: попал на легкий, изысканный спектакль. Фомеичко тоже интересовал классиком, но сделал это с умом и добрым чувством, перемежая смех и слезы, глубину с бесшабашностью театральной богемы. На спектакле я испытал счастье видеть вечно юную и грациозную, полную тонких и сильных чувств Юлию Константинову Борисову и как бы обретшую самое себя, освобожденную от уз прежнего ампула яркую Людмилу Максанову. Спасибо им! И Яковлев, и Шалевич — все это большие актерские удачи. Но уже после спектакля, включив, как говорят, «ум на лестнице», я подумал (примерно то же, что и в Париже, когда решил в один присест осмолить Лувр) — невозможной! Режиссер обрел меня смотреть без перерыва три акта. Ощущение, будто я сразу съел являва, обед и ужин. Тяжеловато. Все действие в фойе, увы, я уже не мог воспринимать с той же остротой, с тем же пылом и восторгом, и уж вовсе утратилась впечатления от пролога, сыгранного молодой частью труппы. Прекрасная идея — дать дорогу молодым, и играют они хорошо. Но ведь тут же, следом за ними, выходят несравненные Ворисова, Яковлев... Я не ворчу на молодежь, тем более что она этого не заслуживает. Но и называть такое решение спектакля безусловно верным не могу. Впрочем, мои впечатления сугубо индивидуальны.

Чисто молодежный и молодой спектакль «Вумбара» в студии Олега Табакова привнес в полный восторг: сколько энергии, пластика, азарта! Чем-то он напомнил мне молодость, нашу Кострому и «синюю блузу», где мы отчаянно высмеивали Брангеля, Макси, Деникина, Черберлена и прочих «классовых врагов». И в этом спектакле есть что-то от «Окоя РОСТА», и от карикатур Кукрыникова, и от «синей блузы». Но в отличие от нашего шенящего энтузиазма у студийцев Табакова — высокий профессионализм и школа.

— Какая школа? Студия Табакова, на ваш взгляд, это нечто принципиально новое? По сравнению с МХАТом, с «Современником». И вообще, какой смысл в таком пробегании театров, «почковании студий»?

— Однозначно тут не ответить. У Табакова я видел далеко не все. Посмотрел вот «Обыкновенную историю». Это как бы возобновленный знаменитый спектакль старого «Современника» (только О. Табаков теперь дядюшка, а не племянник). Хороший спектакль, в Ялонию с успехом побывал. Но мне больше понравился «Стрелы по Вумбарашу». Вот вам и ответ на ваш вопрос. Студия заработала как новый театральный организм на молодой энергии. Костяк труппы — молодые актеры и студенты МХАТа. Значит, студия Табакова — новый побег на дереве МХАТа, как и «Современник», как и Театр Вахтангова в свое время, все они опочковывались от Художественного. Вот так и витает это чудо-дерево русского театра. А уж кто становится во главе новых театров и студий — это выбор судьбы, соревнование личностей и талантов.

Кстати, я так решительно не отказывался в прежнее время побегу той же порою — МХАТу им. Горького, которым руководит Т. В. Доронина. Критика откровенно не жалует этот театр, и на «Лес» в постановке Дорониной шел я, грешник, с большим предубеждением. Зато и был приятно поражен — и всем спектаклем, и Гурмыжской — Дорониной в частности. В моем зрительском восприятии этот спектакль выдержал самую высокую конкуренцию — даже, представьте, со знаменитым «Лесом» в Александринском театре, где я как бы оставался один на сцене с великим, Островским — без посредников.

— Дерина в уме еще и знаменитый мейерхольдский «Лес», который я, в отличие от вас, не видел, и не исключаю сравнения, хочу спросить: а были ли в этом сезоне столь же «зрительские» постановки, которые раздвинули бы горизонты современного искусства сцены?

— Понимаю, желания «повиноваться» (не имея таланта Мейерхольда) в этом, как и в предыдущие сезоны, было хоть отбавляй. Но я просто не хожу на такие спектакли. Лучшее уж дома послушаю, книжку прочитаю, с женой чайку попью, с вичукой поиграю. Уж пусть меня простят... Если режиссер пытается выделиться лишь тем, что у него все ходит по сцене наверху ногами, — значит, ему вообще-то нечего сказать языком драмы. Язык ног — это уже балет. А особенно огорчает, когда для физурражаний используют классику. Да уж заказки ты пьесу накомундуй драматургу-ремесленнику, хорошему ремесленнику, и с ним говори свое слово. Возможно, и родится спектакль, который, как вы изволили выразиться, «расширяет горизонты».

— «Язык ног». Уж не «Политик» ли в постановке Виталина вы имели в виду? Для меня, вообще-то говоря, «Политик» и «Служанки» были большим театральным потрясением...

— Но ж, каждому свое. Я на «Лолиту» просто не пошел, знаю, что это совершенно не мое. Могу себе позволить подобные зрительские наприкази. Но вот ради любопытства все же пошел на «М. Ватерфлиш». Народ в театр буквально ломился, а я еще раз убедился — точно, не мое.

И все же осмелюсь посоветовать: сходите на спектакль, что идет в маленьком зальчике Театра имени Ермоловой по пьесе Л. Зорина «Пропавший сюжет». Постановил его и играл в нем Владимир Андреев. А вот у Олега Ефремова (МХАТ) совсем запомнилось «Горе от ума». Спектакль достоин похвал, и я это сделал в вашей же газете. Повторюсь лишь о Чацком. На своем веку я видел много классических Чацких. Видел Качалова, видел Царева, Юрского. Но тут я впервые понял, почему это Пушкин поначалу так резко отказался от комедии Грибоедова. Да и зачем Чацкого жие! Он что-то чуть ли не дураком обозвал (литературоведы помнят точнее). Этого долго порхавший по свету юнец вдруг признает домой и давай всех разнюхивать. Добро бы Молчалива со Скалозубом, а то ведь и всех — законы, совесть, веру. Да как высокомерно! Как нагло, бес тактично, как неблагородно! Это и Софья в нем раздражает. А уж Александр Сергеевич определенно этого не жаловал. Чацкий — нахал! Таким его и играют во МХАТе. Флер благородства (Качалов) и другие великие исполнители этой роли) теперь с него снят, и перед нами вечный тип ингилиста, аписаный и в наши дни.

— Виктор Сергеевич, а что-то мы с вами не говорим о театре, который никогда не страдал отсутствием зрительского внимания, — о Ленском. Прессе буквально не хватало от похвалы «Фигаро» то, «Фигаро» это...

— Смешно даже говорить, как я люблю эту пьесу. Да кто ее не любит! И когда в спектакле звучал бессмертный текст Вольтера, диалоги Вольтера, я испытывал блаженство. Но вот когда полезли на сцену санкилоты с ружьями... Умом я понимал, что Марк Захаров дает развитие комедии на фоне Французской революции. Но мне этого не нужно. Более того, идя на спектакль, я говорил себе: господи, наконец-то буду сидеть и смотреть на сцену, где не прозвучит ни единого выстрела. И сразу же — ба-бах! — выстрел из огромной пушки в зрительный зал. Я даже рассмеялся. Но зритель, наверное, не зря валил валил, спектакль заставил актеры молодые, особенно хороши Марселлина (Т. Коваченко) и граф Альмавива (А. Ларев). В целом спектакль мне понравился, хотя... это тоже вариация на тему Вольтера.

А вот если говорить о перспективе, о том, как расширятся горизонты нашего представления о духовном состоянии театрального дела в России, то нельзя обойти историко-художественный фестиваль в Костроме в честь 380-летия дома Романовых. Назывался он «Вехи» и проходил в знаменитом Ипатьевском монастыре, где-то Романовых. Прямо на подворье монастыря труппа Вольского театра давала «Жизнь за царя». Монастырь почти не изменился. В юности мне даже показывали лавочку, в которую стучал Ваня: «Отворите, отворите!» Одно время там было общежитие для рабочих-текстильщиков. Сейчас все прибрано, уложено. На спектакль была приглашена тысяча зрителей. Но через коридоры прошли, наверное, тысяч пять: костромичи — истовые театралы. Восторг был полный. Потом на этом подворье проходил фестиваль народного творчества — дуэличники, ложечники (по четыре ложки враз — мастерица — хорошеды, чашушники). Настоящий народный праздник, за 10 дней — 5 тысяч исполнителей. Там же показывали спектакли «Ваньку-Каяну». У себя они играют этот спектакль в Псковском кремле. Интересно! Приезжал оркестр народных инструментов Осипова. После каждого удачно исполненного номера огромный зал, на несколько тысяч человек, вставал! Вы видели когда-либо, чтобы московский зритель так приветствовал артистов? И местный театр был каждый день полон. Я видел два спектакля. Первый — в постановке пензенского театра — «Борис Годунов», динамичный и яркий. В нем «уместился» и вся народная трагедия, и трагедия Бориса. Второй — «Осенние скрипки» шумевшая в свое время на всех провинциальных сценах пьеса, в ней и Комиссаржевская играла. Режиссер хотел воскресить декаданс, все эти тонкие голоса-вадохи начала века, изысканные жесты под старую моду. Но это...

Вообще же на фестивале меня поразила народный энтузиазм по отношению к культуре. Я увидел истинно русскую духовность, без прикрас и заигушества. Являлось это в образе зрителя, изумительного зрителя. И в образе города — чистого, ухоженного, светлого. Русская духовность особого свойства. Она принимает в себя все лучшее в мировой культуре — Шекспира, Гёте, Шиллера, Стендаля, Бальзака и себя отдает миру — через Достоевского, через Чехова, которые тоже духовно, необходимым французам, англичанам, американцам. Об этом мы говорили с иностранными гостями фестиваля. Не азотика наша их поразила, а именно духовная жизнь, ибо она — признак истинной цивилизованности нации.

— Виктор Сергеевич, я знаю, что вы читаете множество рукописей молодых драматургов — нет ли среди написанного, но пока не поставленного, чего-то, что могло бы стать ГВОЗДЕМ будущих сезонов?

— Я вам вот что скажу. Раньше, в 30-е, в конце 20-х годов, в театрах шли в основном пьесы современных драматургов. Слово и рядом это были слабые пьесы-агитки, но ставили их великие режиссеры. И получались блестящие спектакли. Искусство имеет свои тайны. И из глины можно вылепить изысканную вазу, а можно... уродливый горшок. А сейчас режиссер берет великую пьесу и дробит ее на какие-то осколки, бьет вдребезги драгоценный сосуд. А прежде нечто худосочное превращалось в событие. Шедерами становились и пьесы Погодина, благодая Алексею Попову, Охлопкову, Вабановой, Астангову, Орлову...

— Но есть ведь у нас хорошие драматурги. Да вот тут у меня на столе лежит пьеса об Александре Македонском, называется «Властелин», философская притча в двух действиях с прологом. Автор — мой бывший студент, молодой драматург Николай Панин. Мне нравится. Из молодых авторов, которых ставят, могу назвать Н. Коляду — очень способный драматург. И любя из его пьес куда нужно на театральную афишу сезона, чем очередной Теннисен Уильямс или Оскар Уайльд. Современные драматурги должны расти с театрами, при театрах. Без них сезон мерв.

— А Розова в этом сезоне играли?

— Мало играли. Но зато у меня были другие театральные семейные радости. На малой сцене МХАТа шел очень изысканный музыкальный спектакль «Додо». О двух личностях, двух поколениях из исчезающей на земле породы. Такая светлая, очень созвучная моему настроению и времени вообще трагедия. Но больше говорить не могу, потому что спектакль поставил мой зять, а дочь в нем играет... Да, мои пьесы... Где-то играли «Гнездо глухаря», где-то — «Кабачники». Помните, не врал, другие сейчас ориентиры. Я с ними не монтируюсь. В каком-то журнале меня заобещали напечатать за эти пьесы...

— А на некаких ли вам, что новый «Глухарь» пока еще молод, только в начале своей карьеры, и «Кабачники» тоже? Вот через несколько лет из «преувеличенных» на материальном поприще они превратятся в нравственных бумажных на дороге — и против них начнется активная бумажная похолодиль. Тогда и начнут режиссеры «интерпретировать» Розова...

— Вот вы как меня поймай... Ну, посмотрим, посмотрим...

Тридцать три сестры
Антон Павлович,
или
Где вы, молодые
драматурги?

светлого. Русская духовность особого свойства. Она принимает в себя все лучшее в мировой культуре — Шекспира, Гёте, Шиллера, Стендаля, Бальзака и себя отдает миру — через Достоевского, через Чехова, которые тоже духовно, необходимым французам, англичанам, американцам. Об этом мы говорили с иностранными гостями фестиваля. Не азотика наша их поразила, а именно духовная жизнь, ибо она — признак истинной цивилизованности нации.

— Виктор Сергеевич, я знаю, что вы читаете множество рукописей молодых драматургов — нет ли среди написанного, но пока не поставленного, чего-то, что могло бы стать ГВОЗДЕМ будущих сезонов?

— Я вам вот что скажу. Раньше, в 30-е, в конце 20-х годов, в театрах шли в основном пьесы современных драматургов. Слово и рядом это были слабые пьесы-агитки, но ставили их великие режиссеры. И получались блестящие спектакли. Искусство имеет свои тайны. И из глины можно вылепить изысканную вазу, а можно... уродливый горшок. А сейчас режиссер берет великую пьесу и дробит ее на какие-то осколки, бьет вдребезги драгоценный сосуд. А прежде нечто худосочное превращалось в событие. Шедерами становились и пьесы Погодина, благодая Алексею Попову, Охлопкову, Вабановой, Астангову, Орлову...

— Но есть ведь у нас хорошие драматурги. Да вот тут у меня на столе лежит пьеса об Александре Македонском, называется «Властелин», философская притча в двух действиях с прологом. Автор — мой бывший студент, молодой драматург Николай Панин. Мне нравится. Из молодых авторов, которых ставят, могу назвать Н. Коляду — очень способный драматург. И любя из его пьес куда нужно на театральную афишу сезона, чем очередной Теннисен Уильямс или Оскар Уайльд. Современные драматурги должны расти с театрами, при театрах. Без них сезон мерв.

— А Розова в этом сезоне играли?

— Мало играли. Но зато у меня были другие театральные семейные радости. На малой сцене МХАТа шел очень изысканный музыкальный спектакль «Додо». О двух личностях, двух поколениях из исчезающей на земле породы. Такая светлая, очень созвучная моему настроению и времени вообще трагедия. Но больше говорить не могу, потому что спектакль поставил мой зять, а дочь в нем играет... Да, мои пьесы... Где-то играли «Гнездо глухаря», где-то — «Кабачники». Помните, не врал, другие сейчас ориентиры. Я с ними не монтируюсь. В каком-то журнале меня заобещали напечатать за эти пьесы...

— А на некаких ли вам, что новый «Глухарь» пока еще молод, только в начале своей карьеры, и «Кабачники» тоже? Вот через несколько лет из «преувеличенных» на материальном поприще они превратятся в нравственных бумажных на дороге — и против них начнется активная бумажная похолодиль. Тогда и начнут режиссеры «интерпретировать» Розова...

— Вот вы как меня поймай... Ну, посмотрим, посмотрим...

Беседу вела
Наталья ВЫСОЦКАЯ